

**“И оставит человек отца и мать...”
Тайна пола в православной
традиции**

“И оставит человек отца и мать...” Тайна пола в православной традиции

Беседа с диаконом Андреем КУРАЕВЫМ

Письмо в редакцию:

Мне кажется, что Бог создал мужчину и женщину, чтобы они стали мамой и папой. Вы подумаете, какая я еще маленькая. И сейчас, в свои 19 лет, пока мама не поцелует меня, я не могу уснуть.

Так повелось с детства. Даже после того как мои родители разошлись (мне было тогда года 4), папа приходил каждый вечер домой, чтобы поцеловать меня, иначе я не засыпала. Когда мама забирала меня вечером из детского сада (часто самой последней), я чувствовала себя счастливой: она держала меня за руку и слушала последние мои новости. Мы шли домой, несмотря на угрозы вредных воспитательниц, что когда-нибудь я останусь в интернате. Но я знала, что у мамы много работы, и с нетерпением ждала ее прихода.

А пару раз меня забирал папа. Это было настоящее событие в моей жизни. Тогда все на свете (друзья и подруги, нянечки и воспитательницы, и просто прохожие) должны были узнать, что мой папа - самый лучший человек. Увидев его, я бежала ему навстречу с радостным "Папа!".

Первые мои детские кошмары были связаны с мыслью о возможной смерти родителей. Самым страшным для меня была разлука с ними, а тем более вечная (так мне объясняли смерть). Ночами я плакала в подушку, ведь я не могла поверить, что они могут уйти и не вернуться. Но однажды я поняла, что взрослые что-то перепутали и таких расставаний "навсегда" не бывает... С тех пор я стала думать о Боге.

Я любила их больше всех и не задумывалась, за что и почему. Наверное, Бог сотворил мужчину и женщину, чтобы в мире родилась любовь.

Света, 20 лет

Корр.: Отец Андрей, почему Церковь так несправедлива к женщине? Ей нельзя быть священником, ей нужно постоянно носить платок, бояться мужа и т.д. Почему она занимает такое подчиненное положение?

О.А.: Давайте сразу уясним: я ведь тоже не священник. Так что мои ответы не стоит воспринимать как попытку человека, дорвавшегося до кусочка власти, не допустить кого-то другого до этого же кусочка. Я говорю о том, чего нет и у меня. Я сам отношусь к той части человечества, которая не совершает церковных таинств, то есть к той части, к которой принадлежат и все женщины.

А лозунги о несправедливости рождаются как: сначала человеку внушают, что у него есть права, о существовании которых он и не подозревал, а потом заявляют, что этих прав ты лишен. Жил себе человек спокойно без всякого CD-рома, а ему вдруг говорят, что каждый порядочный человек имеет CD-ром, и лишь тебя этот коммунистический (вариант: "воровской") режим совершенно несправедливо лишил права на пользование CD-ромом. И вот человек, который доселе даже не знал, что это такое, начинает смысл своей жизни видеть в борьбе за обладание CD-ромом.

Так же и здесь: жила себе девушка и никогда и не помышляла о том, чтобы стать священницей. По правде говоря, она и в храм-то не заходила... Но тут ей говорят: "Да ты знаешь, как тебя православные унизили! Они не разрешают тебе стать священником!" - и все, одним озлобленным нервным клубком, борющимся за свои "права", в мире стало больше...

А ведь сущность человека совсем не сводится к борьбе за свои права. Человек вообще осуществляет себя не тогда, когда реализует свои права, а когда он исполняет свой долг. Помимо того, что у человека есть права, в его жизни имеет место еще и служение.

Так вот священник - это священно-служитель. Это не человек, который обладает правами священника; напротив, он несет послушание священника, служит. Священник - это тот, кто несет тяжелый крест служения людям и служения Богу. И этот тяжкий крест, этот тяжкий труд Церковь не возлагает на плечи женщины. По-моему, тут не столько ущемление прав, сколько простая забота о женщинах.

Если рассуждать дальше о "дискриминации" женщины в Церкви, то нечто, что выглядит как принижение женщины, можно найти не в нашем вероучении, но лишь на уровне некоторых книг (в аскетических руководствах для монахов) и некоторых приходских привычек. Здесь просто надо помнить, что общая особенность всей традиционной литературы во всех культурах, во всех странах, во всех веках состояла в том, что литература (как и политика, и культура) всегда была мужской. До нас почти не дошло свидетельств о духовной жизни и богословской мысли женщин-христианок. Нам известны лишь отдельные изречения так называемых амм (вот у нас мама, а в Египте амма: авва - это отец, а амма - мать). Мы знаем всего несколько их удивительных изречений. В основном же, конечно, церковная литература прошлого - это литература мужская.

Только сейчас, уже на наших глазах рождается православная женская богословская мысль. Она уже отмечена замечательными именами: Татьяна Горичева в Париже, Олеся Николаева и Ирина Силуянова в Москве. Есть замечательные православные философы: Пиама Гайденок, Рената Гальцева, Тамара Кузьмина. Самое замечательное, что Церковь ничего против их творчества не имеет: книги Силуяновой и Николаевой издает Троице-Сергиева Лавра. Обратите внимание: это самый консервативный мужской монастырь, но именно он проявляет вполне похвальный в данном случае модернизм.

А традиционная монашеская литература - мужская - писалась естественно, "для своих": старец обращается к своим послушникам. При этом ему хорошо известно, что они не евнухи, что у его юных послушников есть "основной инстинкт". Естественно, что этот инстинкт у большинства из них ориентирован в нормальную сторону - на девушек. Поэтому старец и говорит: смотрите, уклоняйтесь от общения с молодыми девицами, чтобы не было повода никаким искушениям и мечтаниям.

Одним словом, вполне понятный аскетический принцип. Кстати сказать, присутствующий во всех религиях, где есть аскетическая традиция (в буддизме, например, тоже есть похожие советы).

Корр.: Вы хотите сказать, что и здесь нет никакой дискриминации?

О.А.: Конечно. Более того, если бы до нас дошли письма, написанные старицами женских монастырей, там то же самое было бы сказано по поводу юношей: избегайте встреч с молодыми людьми, чтобы их образ не носить в себе, не встречайтесь с ними и не беседуйте, ибо юноши - это источник греха и вместилище скверны... В аскетических наставлениях речь идет не о том, что женщина хуже мужчины (или наоборот), а о том, что у нормального человека всегда есть эротический интерес к противоположному полу. И если задача

монашества состоит в том, чтобы взять под контроль этот инстинкт (не отсечь его, а преобразить в любовь ко Христу) то соответственно в женских монастырях говорят “будьте осторожны при общении с юношами”; а в мужских – “будьте осторожны при общении с девушками”.

Повторяю, именно в силу того, что литература была мужская, “мужскоязычная”, создалось впечатление, что Церковь что-то имеет против женщин как таковых.

Сегодня почему-то модно говорить, что христианство унизило женщину, а язычество ее превозносит. Чтобы посмотреть, так это или нет, проведем небольшой эксперимент. Вертикальный лист делим на две полосы. В правой половине пишем “Правое”, в левой – “Левое”. Под какой из этих категорий мы должны подписать слова “добро” и “зло”? Ясное дело – “добро” подписывается в той колонке, что надписана “Правое”, а “зло” – вносится туда, где уже находится “Левое”. Теперь распределяем по колонкам следующую пару категорий: “свет” и “тьма”. Затем – пару “хаос – порядок”... Получается “правое-доброе-светлое-упорядоченное” – “Левое-злое-темное-хаотическое”... Спрашивается, в какую часть следует написать “мужское”, а в какую – “женское”, если исходить из фольклорных архетипов, сказок и языческой философии? Чтобы долго не гадать, вспомните даосские понятия инь и ян, черно-белый даосский круг, вспомните, с каким из его цветов отождествляется мужское начало, а с каким женское, и всё станет ясно: женское начало в большинстве нехристианских культур отождествляется с началом тьмы, зла и хаоса. Но именно этому представлению и противостоит библейское повествование о сотворении человека, сотворении женщины.

Корр.: Каким образом – творением из ребра? Как любят шутить мужчины – из единственной кости, не содержащей мозга?

О.А.: Шутка эта, может, и остроумная, только вот к библейским смыслам прямого отношения не имеет. Если внимательно читать первые главы книги Бытия, то нельзя не обратить внимание на то, что мужчина создан из внешнего – из праха земного. Женщина же создана из внутреннего, из сокровенного, она взята от сердца (от ребра). Жена дана только в саду, и не раньше. Женщина – дитя Эдемского сада. Мужчина создан вне сада, но женщина – именно райское создание.

Далее. Когда Адам видит женщину впервые, он произносит очень странные слова: “Оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть”.

Эти слова сегодня привычны для нас, поэтому мы не замечаем их странности. А ведь перед нами формула классического матриархата! Мужчина оставляет своих отца и мать и приходит к жене в дом. В последующих культурах ведь было совсем иначе: невеста оставляла дом родителей и приходила под крышу к мужу. Отголоски этого сохраняются до сих пор: если муж переселяется на квартиру к жене, это воспринимается как нечто ненормальное. Библия же изначально предполагает нечто совершенно непривычное для нас: муж прилепляется к жене... Но затем все это изменилось.

Корр.: Каким образом? В результате так называемого “грехопадения”?

О.А.: Грехопадение не связано со сферой пола в вульгарном понимании: оно не состояло в сексуальном общении между Адамом и Евой, как это часто почему-то предполагается. Церковь никогда ТАК не воспринимала драму грехопадения. Не в этом было их грехопадение, а в том, что люди не поверили Творцу...

Вместе с тем, грехопадение имело прямое влияние на отношения между полами. Мы видим,

как последствия грехопадения изменяют изначальный замысел Бога о человеке: “К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой”, - говорит Бог жене уже после греха. Итак, вначале говорится, что муж будет уходить к жене, а кончается рассказ об эдемском саде тем, что теперь жена будет уходить к мужу. Значит, что-то произошло в промежутке.

А в промежутке было то, что жена была одна перед древом познания. Что там произошло - это долгий разговор и прямо к нашей теме не относящийся, но когда она все-таки вкусила плод с “древа познания”, то вернулась к мужу и предложила ему соучаствовать в этой трапезе. Так почему жена захотела, чтобы муж стал соучастником ее проступка? Мне известны два толкования этого текста.

Иудейско-раввинистическое толкование погружает нас в глубины женской психологии. Согласно этому объяснению, Ева почувствовала, что умирает. И тогда она подумала: “Как же так, вот я умру, а Адам останется жить, и Бог даст ему новую жену, и он будет с нею счастлив, но без меня! Да не будет этого!”. Поэтому она решает отравить и Адама. Чтобы понять это раввинистическое сказание, нужно знать, что с иудейской точки зрения Ева - это вторая жена Адама, а не первая. Первой была Лилит (в Библии о ней ни слова). Ева знала, что жена может быть другой - поэтому она идет на такой поступок.

Ну, а православное толкование этого места дает Ефрем Сирийский (святой, живший в 4 веке). Он обращает внимание на то, что, когда человек совершает очень серьезный грех, он ощущает приступ радости: “Надо же: я смог! я переступил! я не такой, как прочие”. Приходит леденящая эйфория: когда человек падает, первые секунды своего падения он воспринимает с восторгом... Ужас приходит потом. И вот, когда Ева преступила заповедь, то она как раз почувствовала эту эйфорию, она почувствовала, что нечто действительно совершилось, она почувствовала себя богиней. И вот тогда она идет к Адаму, чтобы показать ему свое новое качество: “вот, видишь, я начинала свой славный жизненный путь всего лишь в качестве твоего ребрышка, а сейчас я - богиня. Я возвращаюсь к тебе, чтобы научить тебя жить”. В женщине пробуждается жажда власти и господства.

Именно этот грех, грех переломанных межчеловеческих отношений, и врачует Бог... Тут опять же важно заметить: Бог не наказывает за преступление, а врачует, исцеляет появившуюся болезнь. Бог не дает бессмысленных наказаний. Вспомним, что слово наказание несет двоякий смысл: наказание как некая дисциплинарная акция, и наказание как наказ, вразумление. Наказуя, Господь вразумляет. Он дает лекарство. Не мстит, но лечит. Если мы стоим в аптеке, где люди выписывают различные лекарства, то по тому, что они покупают, мы можем понять, что у них болит. Так же и здесь: Господь прописывает лекарство, которое врачует отношения между мужем и женой. Но: если именно сюда прилагается лекарство - значит, именно тут и произошел перелом. Значит, именно межчеловеческие отношения надо врачевать. В них вторглись отношения власти и властной похоти. Господь этот надлом выправляет в другую сторону. Раз жажда господства впервые появилась именно в женщине, то теперь жена ставится в отношение послушания к мужчине. В глазах Бога вообще нередко первые становятся последними, а последние - первыми.

Корр.: А где мы видим, что мужу дается господство над женой?

О.А.: Прежде всего это те строчки, которые я уже упоминал: о влечении жены к мужу и о том, что муж будет господствовать над женой. О том же говорит и другой библейский эпизод: это наречение Адамом имени своей жене. Отныне (и только отныне) она - Ева. Давайте задумаемся: а почему Адам раньше не дает имя жене. Ведь Библия повествует, как он нарекал имена всех животных. Почему же имя жене не было дано сразу после этого? Именно потому, что дать имя - значит проявить верховенство. Но верховенство мужа над женой появляется

только после греха. После того, как Бог определяет их новые взаимоотношения. Нет, не забыл муж дать имя жене, и не успел это сделать до грехопадения, а просто не мог, точнее - не имел права. И поэтому наименование жены - это не просто последнее действие человека в Эдеме, но и первое событие, произошедшее уже после наказания людей Богом.

Корр.: И все же, как Церковь трактует "разность" мужчины и женщины? Почему были созданы двое и разные? И почему не сразу двое?

О.А.: Конечно, это можно по-разному толковать. Мне, например, довелось слышать толкование западноберлинских богословов-феминисток, по мнению которых, тот факт, что сначала создан Адам, а потом женщина, означает, что целью творения Божия была женщина; мужчина же - не более, чем полуфабрикат, использованный Богом для создания венца творения...

Но все же, если читать библейский текст посерьезнее, то мы увидим, что перед нами рассказ не только о первой семье, но и о чем-то большем. Вообще, Библия представляет не столько хронику жизни первых людей, сколько икону - осмысление изначальных событий человеческой истории. Это не протокольная запись очевидца и современника, это рассказ о том, что должен знать о себе самом каждый человек.

В каждом из нас живет мужское и женское начало. В той главе Библии, которая описывает грехопадение, нет имен "Адам" или "Ева", там стоит "га Адам" - это имя существительное с артиклем. Это не имя, а понятие: "Человек как таковой" (артикл от этого понятия отпадет позже - в Быт. 4,25 - и тогда понятие станет личным именем; вместо "га-Адам" появится просто Адам). И есть жена, у которой тоже еще нет имени. Здесь едины мужское и женское начало, возможно даже в одном и том же существе (не путать с гермафродитами языческих мифов): "когда Бог сотворил человека, мужчину и женщину сотворил их, и нарек им имя: человек" (Быт. 5,1-2). Как видим, "га-адам" ("человек") - это одно имя на двоих...

Действительно, в каждом человеке есть то, что традиционно считается мужским началом, и то, что считается женским. Разум и чувства. Воля и чувствительность... Муж в повествовании об Эдеме - это разумно-рассудочная часть человеческой души, а с женственностью соответственно связываются чувства.

Почему же человечество двусоставно? Просто библейское повествование с самого начала утверждает, что мир имеет право быть разнообразным. Христианство - это религия плюрализма, а не монизма. Многие индийские философы, например, говорят, что есть только "Единое" - "Непостижимое", "Непознаваемое", "Неизреченное", а все остальное только кажется, но бытием не обладает. Поэтому если какая-то реальность нам кажется отличной от "Единого", то значит наш ум помрачен и загрязнен.

А Библия поясняет: быть не-Богом - это не грех. Быть иным, чем Бог, - это не проклятье. Бог такими нас создал. Он Сам любит разнообразие мира ("И увидел Бог, что это хорошо"). Так и человеческая природа с самого начала оказывается разнообразной, носящей в себе мужское и женское начало.

Корр.: Почему Церковь смотрит на брак как на Таинство? В чем его смысл? Почему любовь - искренняя, горячая, чистая - все же будет считаться грехом, если она не освящена церковным ритуалом?

О.А.: Таинством является любая семья. Более того, в каком-то смысле половое общение как таковое является таинством (таинством не в церковном смысле благодатного благословения, а в смысле загадочности, непостижимости): здесь двое сливаются в одну плоть, здесь происходит

преодоление самозамкнутости и чудо зачатия, рождения новой жизни.

Однако, у слова "таинство" есть и иное, собственно церковное значение: таинство как особое действие Бога через Церковь в мире. Это действие не ограничивается храмом и храмовым обрядом. Благодать Божия содействует укреплению семьи и в те годы, которые следуют за минутами церковного венчания. Поэтому таинством является не только то, что происходит во время венчания, но вся жизнь этой семьи есть таинство брака.

Что касается жизни невенчанных супругов, то, если они верны друг другу, Церковь будет укорять их только в том случае, если они осознают себя христианами, но все же так и не пришли к церковному амвону. Для христианина странно предпринимать дело, если он не испросил на него благословения и Божьей помощи. А тем более для такого важного, быть может самого важного дела, которое у него есть на земле – для любви и созидания новой жизни. Поэтому неблагословленное, немолитвенное сожителство христиан нам представляется просто странным.

Если же это люди неверующие (или нецерковным является один из супругов), но они каким-то образом декларировали свои брачные отношения перед людьми, перед государством, то Церковь не осуждает таких людей. Церковь признает реальность всех браков, которые заключаются за ее пределами: Церковь признает и браки гражданские, и браки, которые заключены были в других религиях (даже вне христианства). Когда в 18 веке началась проповедь русских миссионеров среди калмыков и бурят (бывших тогда наполовину шаманистами, наполовину буддистами), крещение часто принимали целыми деревнями. Перед миссионерами встал вопрос: венчать или нет уже существующие семейные пары после их крещения? Они обратились за разъяснением в Синод. Ответ Синода был: "Не надо. Они уже муж и жена и перед Богом, и перед людьми".

К сожалению сегодня бывает, что некоторые не в меру ревностные и не очень образованные священники говорят прихожанкам: "Если ты с мужем не венчана, то значит ты живешь в полном блуде! Пока не приведешь мужа к венчанию, я тебя причащать не буду". Но подумайте сами – что выйдет, если жена, исполняя повеление такого священника, будет постоянно давить на своего неверующего супруга: "Идем в храм, давай-давай венчаться!?" Муж-то человек искренне неверующий. И получается, что Церковь, навязывая ему венчание, понуждает его лжесвидетельствовать. Неужели же это верный путь ко Христу? И неужели люди станут ближе ко Христу, если придут на вечание и притворятся верующими? Неверие супруга – не повод для разрушения брака.

Корр.: Да, но с другой стороны, тот же апостол Павел, к примеру, призывает "не искать жены", лучше "оставаться так", т.е. не жениться и не выходить замуж.

О.А.: Для понимания этих слов надо отвлечься от бытового восприятия обстоятельств своей жизни. Здесь фундаментальный нравственный вопрос. По-настоящему нравственное сознание знает, что в мире ценностей есть иерархия. Мир этики не сводится к осознанию конфликта между добром и злом. В мире, который насквозь нравственно выверен, происходит постоянное сопоставление доброго и более доброго, высокого и еще более высокого.

Давайте немного отвлечемся от женской темы и вспомним слова Христа: "Если кто не возненавидит отца своего и мать свою, тот не достоин Меня". Эти слова вызывают сегодня много возмущения: "Ваш Христос и ваше Евангелие проповедуют разрушение семьи и ненависть!...".

Но остановите на секунду эмоции. Никакой текст нельзя понимать вне контекста. Скажите:

Библия в ее целостности – это книга, благословляющая семью и почитание родителей, или же проповедующая разрушение семейных уз? Очевидно, что Библия – это очень семейная книга, в ней царит подлинный культ брака. Люди, у которых не было детей, считались несчастными и даже проклятыми... Значит, если мы не хотим один библейский стих противопоставлять всему Писанию, мы должны найти более серьезное его истолкование.

И теперь вспомните один всем знакомый эпизод. В фильме "Семнадцать мгновений весны" русская "пианистка" Кэт оказывается перед выбором – или она должна пожертвовать своим новорожденным сынишкой, которого нацистский мерзавец Айсман морозит (а что еще делать персонажу с такой фамилией!) на подоконнике, или же предать Штирлица. В сердце Кэт сталкиваются друг с другом два долга: долг материнский и долг офицерский (она ведь офицер Советской Армии). Она понимает, что очень-очень много жизней сейчас зависит от нее. Какую из своих обязанностей она предпочтет исполнить?..

До конца эта сцена в фильме не разворачивается, но в принципе дается понять, что Кэт все-таки предпочитает пожертвовать сыном (природным родством), но исполнить свой гражданский долг. Обратите внимание: фильм был снят в советскую эпоху, но с огромной симпатией и пониманием смотрится и до сих пор, в совершенно иных условиях. И ни тогда, ни сегодня я не встречал ни разговоров, ни публикаций, которые бы возмущались: "А вы понимаете, что проповедует этот фильм – ради победы сталинизма он призывает жертвовать детьми! Это же пережиток тоталитарного сознания, это отрицание всякого гуманизма!..". Но не было и нет таких возмущений. Что это означает? – Что по сути у нашего народа (и церковной, и нецерковной его части) есть согласие в восприятии этой сцены. Фильм сделан настолько корректно, тактично, по-человечески убедительно, что все согласилось: "Да. Вот так, наверное, и надо было вести себя в этой ситуации".

Ну, а теперь у меня вопрос: Если в ситуации Кэт нравственно допустимо пожертвовать ребенком ради Штирлица, почему в случае выбора судьбы нельзя пожертвовать семейным покоем ради Христа?

Представим, что с некоторой семьей произошла какая-то религиозная неудача: инерция семейной традиции не допускает обращаться ко Христу.

Но юноша расслышал зов Христа, устремился к очень рискованному будущему, а родители пеленают его порыв, требуют быть "как все".

Что делать? Человек должен решить, кто он прежде всего: "Я – сын своих родителей, я – их отголосок, их плод, или я нечто самостоятельное?". Требование природного родства, природной идентичности вступает в противоречие с самопознанием человека, с попыткой отыскать свой путь. И вот, если отец начинает кричать: "Как ты посмел, мерзавец, пойти в семинарию, когда твой дедушка в армии Буденного воевал, а я член КПСС с 50-го года!" – вот в таких случаях надо сказать: "Пап, я тебя очень люблю. Но чтобы между нами все было хорошо, не убивай, пожалуйста, ту веру, ту любовь, которая родилась сейчас во мне. Любовь ко Христу. А после этого, когда ты отпустишь мое сердце, мы с тобой найдем общий язык".

Человек должен решить, что в нем важнее: его собственное имя, или его отчество и фамилия. Это выбор между прошлым и будущим, между происхождением и призванием.

Так в Новом Завете воспитывается осознанная иерархия ценностей: "Все мне позволено, но не все полезно". Или: "Так – это хорошо, но вот так – лучше"...

Так же следует понимать и слова апостола Павла. Он благословляет брак, но как бы говорит: "Для тех горячих сердец, которые ищут чего-то большего, ищут всецелого служения духовному возрастанию, всецелого служения людям и Христу, для них я благословляю безбрачие. Но это

не для всех: могущий вместити да вместит". Повторяю, здесь не выбор между "злом" – браком, и "добром" – безбрачием, а просто указание на горизонты роста. Слова апостола непонятны, если не вспомнить притчу Христа о талантах. Для тех, кому много дано – особые советы.

Корр.: Значит, все-таки монашество оценивается выше семьи? И ни к чему тогда все эти разговоры о культуре семьи, о Таинстве?

О.А.: В "Настольной книге священнослужителя" – есть такой семитомник, пособие для пастырей – глава о монашестве начинается такими словами: "Тем, кто на пути веры, нравственного совершенства и любви почувствует себя немощным преодолевать препятствия похоти плоти, похоти очес и гордости житейской, Церковь предлагает особые средства к победе над страстями. Эти средства состоят в принятии и исполнении обетов, которые в Евангелии предлагаются не как заповеди, но как советы"... Вот и судите сами о том, что считается с церковной точки зрения большим подвигом!

Я знаю монахов, которые пошли путем монашества, потому что они почувствовали такой религиозный порыв, что решили не размениваться больше ни на что другое; они взяли тот крест, который им представлялся как самый тяжелый (помните, как Достоевский объясняет уход Алеши Карамазова в монастырь: "Сказано: "Раздай все и иди за Мной"... И Алеша подумал: "Не могу я вместо "всего" отдать лишь пять копеек, а вместо "иди за Мной" ходить лишь к обедне").

В то же время я знаю монашествующих, которые избрали такой путь по основаниям, как будто противоположным. Например, один мой одноклассник в семинарии. Когда он подал прошение о постриге в монахи, я его спросил: "Почему ты так решил?". Он ответил: "Просто я знаю себя. Я слабый человек. Я не смогу одновременно служить и семье, и Церкви. А я действительно хочу служить Церкви. Поэтому для меня это более легкий путь. Я его выбираю, так как мне хотелось бы успеть сделать самое главное в жизни".

Есть люди, для которых путь брака был бы тяжелее, чем путь монашества. А есть люди иного устройства души. Мученическая символика есть и в чинопоследовании венчания, и в монашеской жизни...

И здесь очень важно помнить, что семейная жизнь – это не только медовый месяц. Было бы величайшим обманом думать, что чувство первой влюбленности сохранится на всю жизнь. На смену ему должны придти какие-то иные, намного более глубокие отношения, нежели романтические чувства первых дней.

Путь брака тяжел по самой своей сути, потому что создать семью – это значит пустить какого-то другого человека в самую сердцевину своей жизни, жить уже не только ради себя, потерять какую-то автономию. В этом смысле любая серьезная любовь, тем более брак, сродни самоубийству: человек перестает жить для себя и в себе и начинает жить для другого. Это очень тяжело и очень болезненно. И здесь Церковь честна – поэтому она и говорит о том, что семейный путь по-своему мученический. И при венчании на головы молодых возлагаются именно мученические венцы. И поэтому Церковь, восхищаясь теми людьми, которые вступают в брак, поет им: "Аллилуйя!".